

АНЧАР

150 000 000

Государственное Издательство. Москва. 1921 г.

Читателю, мало знакомому с поэзией, непонятно, кто автор этой книги. Мы откроем секрет. Книга написана давно всем известным Вл. Маяковским.

«Сто пятьдесят миллионов говорят губами моими». (Поэтому Вл. Маяковский не напечатал на книге своего имени.) Так начинает свою книгу Вл. Маяковский.

Мы начнем с того, что мы в этом... глубоко сомневаемся.

У ста пятидесяти миллионов населения советской России достаточно своих губ, чтобы говорить о себе; у них больше мыслей, больше свежести, политической насыщенности и, что самое главное, отчетливого, простого и ясного, хотя и классово-различного, подхода к жизни.

«Вся Россия курит только папиросы “Ада”!» — так читали мы на широких вывесках реклам.

«150 000 000... моими устами» — тоже реклама.

Какое дело Вл. Маяковскому, что этому никто не верит; он так думает, а на остальное ему с высокого дерева наплевать.

Наряду с этим он употребляет еще один новый трюк:

Моей поэмы никто не сочинитель...

И идея одна у нее.

Сиять в нарастающее завтра.

То, что Вл. Маяковский начинает с «я», с рекламирования этого «я», это уже привычно. Ведь это же Маяковский индивидуалист, который хочет в свое оправдание за волосья притянуть к себе 150 000 000 «Иванов», ибо опереться на них, Вл. Маяковский это знает, пользительно.

Как же сияет поэма Маяковского в наступающее завтра? Мы этого сияния не видим. Может быть потому, что в ослеплении

творчеством жизни, в бурном и тяжком потоке строительства наши глаза привыкли к иному, к вырисовывающимся перспективам новых форм нашей жизни.

Маяковский во второй главе так рисует подъем масс, идущих творить революцию:

Мы пришли сквозь столицы,
сквозь тундры прорвались,
прошагали сквозь грязи и лужицы
Мы пришли миллионы
миллионы трудящихся,
миллионы работающих и служащих,
мы спустились с гор,
мы из леса сползли
мы пришли
миллионы
миллионы скотов
одичавших,
тупых,
голодных.

Какова цель прихода этих миллионов?

Мы тебя доконаем
мир романтик!
Вместо вер
в душе
электричество,
пар.
Вместо нищих
всех миров богатства прикарманьте.
Стар — убивать
на пепельницы черепа!

И дальше:

В диком разгроме
старое смыл
новый разгромим (прокатим громом. — А.)
по миру миф.

И еще:

Мы возьмем
и придумаем
новые розы
розы столиц на лепестках площадей.
По каждой
тончайшей артерии
пустим
поэтических вымыслов феерические корабли.

А впечатление от всего этого таково:

Гром разодрал побережий уши
и брызги взметнулись земель за тридевять.
Когда Иван,
шаги обрушив,
пошел
грозою вселенную выдвинуть.

Пришли миллионы работающих и служащих, миллионы скотов (да будет немного стыдно Вл. Маяковскому), одичавших, тупых, голодных, — пришли dokonать мир романтик, прикарманить вместо нищих (тоже недурно) богатство всех миров, убивать старых, на пепельницы испотребить черепа, а потом? Потом разгромить новый миф, придумать новые розы столиц на лепестках площадей (это то же, что надеть ноги на брюки), пустить поэтических вымыслов феерические корабли и, в заключение, представив из себя Всероссийского Ивана, выдвинуть этакой грозой вселенную.

Что вселенная этому удивится, в этом нет сомнения.

Сами посудите: встал со всех концов Всероссийский Иван, расколотил все вдребезгуху, накопил в душе вместо веры пар и электричество, понаделал из черепов пепельниц и сидит на берегу, покуривает, пускает кораблики феерические поэтических вымыслов, придумывает новые розы на лепестках столичных площадей и гремит по миру новый миф: дивись вселенная!

И вполне понятно, почему Вл. Маяковский говорит, что это де не моя поэма, а это 150 000 000 говорят.

Мы же думаем, что автором поэмы и ее языком является Вл. Маяковский, как единица от 150 миллионов и с ними не связанная, ибо... революции Вл. Маяковский не понимает и понять не может. И только этим может «выдвинуть» всех.

20 страниц поэмы говорят нам о том, как Вл. Маяковский воспринимает и понимает революцию.

И на этом стоит остановиться, ибо Маяковский не единица, а синтез ряда таких восприятий, — представитель довольно крупного кадра людей, не нашедших себя идеологически, несмотря на великие космические сдвиги нашей жизни.

Пусть Маяковский кричит очень революционные слова, пусть он презирает и осмеивает буржуазию всего мира, как он это делает и очень сочно и остро, — все же он остается типичным продуктом узко-индивидуалистического восприятия и освящения революции.

Можно рукоплескать всякому, говорящему в стихах и прозе революционные слова, и это мы делали во все время революции.

Но... сейчас момент и общеполитическое положение советской России заставляет стать более серьезными и требовать за революционным словом твердой, идеологически чистой мысли и отчетливо выявленного содержания этой мысли. Маяковский пишет агитационные и революционные вещи. Он — прекрасный сатирик, это подтверждается главами 150 000 000, говорящими об Америке и Вильсоне, но и там Маяковский представляет революцию как взрыв животного гнева.

За миллиардершами
Гонялись грузовичищи.

Маяковский знает, что гражданская война — это боевое противопоставление белого и красного цветов:

чемпионат
всемирной классовой борьбы.

Он полагает, что пролетариату и широким массам суждено историей закидать шапками империалистический мир.

У того (империализма. — А.)
револьверы
в четыре курка,
сабля
в семьдесят лезвий гнута,
а у этого рука
и еще рука.

Да мало этого: эта «еще рука»
за пояс заткнута.

После этой позиции наверняка можно проснуться с синяками.

Это ура-коммунизм самого дурного пошиба.

Изо всего этого видно, что настроен Маяковский зверски-революционно.

Но... он не понимает, что баррикадами не исчерпывается революция, — взрыв негодования народных масс, — Ивана, по Маяковскому, — не есть вспышка магния, революция — длительный, мучительный, героический, непреодолимо упорный вместе с тем процесс многих долгих лет.

Баррикады, взрывы, это — итоги, и для того, чтобы их понять, о них говорить, даже облакая в формы поэтические, нужно знать, из каких цифр эти итоги слагаются.

Маяковский этого не знает. Его картины революции — картины внешнего восприятия, — наблюдение, но не органическая оценка, выросшая в самом процессе борьбы.

Скажут: это дело политика, экономиста, ученого, а не поэта.
Поэт свободен? Старая песня.

Поэт революции должен быть созвучен революции. А таким он может быть только тогда, когда он вышел из нее органически, а не пришел к ней в качестве постороннего свидетеля ее достижений.

А Маяковский именно таков.

Он схватывает революцию на лету, внешне, отображает ее по своему; это не плохо, лишь бы он не останавливался в стремлении учиться не только чувствовать, а и понимать революцию.

Но он с места в карьер дерзает говорить за 150 000 000; это уже революционное нахальство. Чтобы 150 000 000 говорили вашими устами, нужно очень и очень многое. Этому у Маяковского нет. Самонадеянностью нельзя прикрывать своего идеологического убожества.

Пусть лучше Маяковский и многие, кто так же, как и он, пришли к революции и славят ее, запомнят, что это налагает на всякого, берущего в этих целях перо в руки, огромную ответственность. Нужно не плавать и кувыряться по поверхности, а идти в глубь к корням революции, впитываться от них. Или... или это будет революционная поденка, которая хочет быть соколом.

Такая ей и цена.

К Маяковскому установилось определенное отношение: его или зверски ругают, или, снисходительно посмеиваясь, похлопывают его «шалостям»: забавно ведь. Маяковский! Чудит!

Маяковский — несомненный и талантливый художник.

У него есть устремление к революции, к работе в ней и для нее.

И не похлопывать его по плечу надо.

Нужно, пора сказать, что мы вступаем в полосу революции культуры. И тогда... тогда нужно будет поэтам, художникам спросить себя: что я есмь и куда лежит путь мой? В это время нельзя будет прикрываться звонкой революционной фразой.

Это будет экзамен на звание художника революции.

И мы думаем, что у Маяковского будут шансы на это при условии, если он перестанет гаерничать, глубже вдумается, постарается не только почувствовать, но и понять революцию и ее огромную глубокую сущность.

Иначе он останется поденкой, которая хочет быть соколом.

